

Сергей Павловский

Ставка на фаворита

Часть 1

роман

Глава 1

Деньги, как всем известно, заканчиваются рано или поздно. Даже очень большие, они уплывают неизвестно куда, если постоянно не пополнять их запас.

У Довбуша больших денег никогда не водилось, хотя сумма, которой он располагал на заре своего пенсионного существования, казалась громадной — самому Довбушу. И вот, пожалуйста, не прошло и шести лет, как весь капитал растворился, словно суповой пар, оставив лишь легкий привкус приятных воспоминаний.

Довбуш сунул руку в карман — рублевые купюры издавали приятный шелест, но, увы, достоинство их оставляло желать лучшего.

— Придется, батенька, таки братья за работу, а не хочется как... — обреченно вздохнул Довбуш.

Ни в одном пункте Сергей не покривил душой. И в том, что не хочется, и в том, что

придется. Смешно, а он, — Довбуш! — докатился до того, что приходится всерьез думать, куда идти и что заказывать. Например, кофе в этой чертовой забегаловке стоит столько, словно варят его на ледниковой воде из Антарктиды. Будь на то хозяйская воля, Довбуш обошел бы этот притон с его курортными наценками десятой дорогой. Но Сазонов облюбовал для встречи почему-то именно это доморощенное «быстро».

...Борис Сазонов подвернулся под руку, как тот зверь, что бежит на ловца. Случается же такое роковое (если не радостное), стечение обстоятельств: свернул за угол — и на тебе! Далекий от столицы, провинциальный город, да десять лет не виделись — и вот, пожалуйста вам. Довбуш всерьез полагал, что свой пожизненный лимит на случайные встречи исчерпал — после того, как много лет назад в Лондоне, где он был отнюдь не в туристическом туре, на Стрит-Роуз столкнулся нос к носу с однокашником по Суворовскому училищу. Оказалось, не исчерпал.

Ничуть не меньше ошарашенный неожиданностью встречи, давний знакомый явно катился по простым прозаическим делам: в одной руке Сазонов держал большую гроздь бананов, в другой — непечатую пачку сигарет. Они мазнули друг друга незаинтересованным, «случайным» взглядом, разминулись, остановились, словно по

команде — и так же одновременно оборотились.

Случись подобная встреча лет десять-пятнадцать назад — они и виду бы не подали, что знакомы. Сазонов знал Довбуша в лицо, еще знал бывшую гэбэшную кличку, должность и отдел, в котором Довбуш работал. И больше ничего. Зато Довбуш знал о Сазонове *все*, как и обо всех тех, с кем хоть на мгновение пришлось чиркнуться бортами в своей прежней работе. А «чиркнулись» они в восемьдесят девятом и тогда Сазонов числился скромным секретным порученцем в восточно-европейском отделе Первого Управления КГБ.

Нельзя сказать, что Сергей обрадовался встрече. Не особо и огорчился. В конце концов, воды утекло немало, никаких долгов и «хвостов» за ним не числилось. Конечно, его персону представляла академический интерес для тех, кто четко представлял, чем занимался Довбуш в Особом отделе. Но Сазонов в число посвященных никогда не входил.

Вообще, этих посвященных в аппарате внешней разведки КГБ СССР можно было перечислить на пальцах. Теперь же, Довбуш был уверен, в спецслужбах стран СНГ их вовсе не осталось.

— Фаворит? — все еще нерешительно уточнил Сазонов.

— Он самый, Сазонов, он самый... — грустно кивнул Довбуш.

— Какими ветрами в наших краях? — он уже смело протянул Сергею широкую ладонь с холеной кожей.

— Живу я здесь, Боря. Как осел по выходе на заслуженный отдых, — подчеркнул многозначительно Довбуш, — Так и живу.

— Хоть и пенсионер, а память прежняя, — хохотнул Сазонов, — Даже имя мое помните. Да... Послушайте... — Довбушу показалось, что в голову бывшего сослуживца залетела шальная мысль, — А Вы очень торопитесь?

— Нет, — пожал плечами Довбуш, — Куда нам, старикам, торопиться?

— Так... может, присядем? — Сазонов кивнул головой в сторону полосатых тентов летнего кафе, — О былом потреплемся за рюмкой чая?

— Отчего ж не потрепаться — если за чашкой коньяка, — не стал отнекиваться Довбуш, — А на «ты» можем и без брудершафта перейти.

— Идет, только я ж не знаю ни твоего имени, ни фамилии.

— Довбуш моя фамилия, а зовут Сергей.

За столиком старые боевые соратники хлопнули по рюмашке и, слово за слово, разговорились.

Сазонов, как оказалось, по местным масштабам летал высоко. Зам. начальника областного Управления ФСБ — должность генеральская. Странно только, что расхаживал генерал вот так, запросто, по городу, без конвоя и транспорта. Впрочем, Довбуш хорошо знал, какими путями приходится подчас двигаться сотруднику службы безопасности, будь он хоть генерал. Пути те неисповедимы.

И интерес генерала к бывшему сослуживцу стал понятен. Город — его вотчина и как же пройти мимо бывшего сослуживца, не выяснив, откуда он здесь взялся и за каким хреном? А машина Сазонова ждала за углом — голубой джип «гранд-чероки» с водителем и персональным охранником.

Самое главное, Сазонов не задавался, не корчил персону. Хлопнули за встречу еще по одной, нынешние проблемы обсудили. Сергей рассказал, как пытался открыть в городе частное сыскное агентство.

Теперь-то он не мог без смеха вспоминать эпопею с агентством. Надо сказать, то была беспримерная наглость с его стороны. Без юридического образования, с дипломом Кемеровского пединститута, факультет марксизма-ленинизма, и со странным пенсионным удостоверением, из которого сам черт не вычитает,

где и кем трудился его владелец, он решил составить конкуренцию местному частному отстойнику и кузнице кадров!

Городской монополист — агентство «Прометей», давно уже славилось традициями и методами. Парились здесь исключительно бывшие сотрудники органов. Либо заслуженные пенсионеры, как сам Довбуш; либо те, кто ушел «по собственному», но остался на хорошем счету и не выпал из обоймы. Еще стажировались здесь пацаны из местной школы милиции. Короче: благообразное и достойное заведение. И тут, как черт из бочки, конкурент без роду-племени. Да еще и с амбициями! Естественно, его совместными усилиями горисполкома и руководства городского УВД смешали с дерьмом — так, походя. Довбуш мог бы поупираться, но не стал — лень заела. Другие варианты трудоустройства, конечно, просматривались. Например, можно было всунуться куда-нибудь переводчиком или охранником. И переводить и охранять Довбуш умел лихо, но подобное рутинное прозябание претило некогда горячему сердцу. Да и не к лицу бывшему следователю Особого отдела Первого Управления КГБ заниматься ерундой. Если уж трудиться — то в поте лица. Так всегда считал Довбуш и не изменял собственным принципам.

— Вот так теперь и живу: на пенсию и на

скромные трудовые сбережения, — заключил Довбуш с грустным смешком, — А сбережения все тают, тают...

Сазонов над рассказом не смеялся. Наоборот: глаза его воссияли таинственным и торжественным блеском. А потом он предложил Довбушу работу...

Вот теперь сидел Сергей в кофейне, ждал работодателя и все прикидывал: была ли ты встреча случайной? Или, все же...

Сазонов вырос, как из-под земли. Верней, эту ему, Сазонову, казалось, что он материализовался незаметно. Довбуш же настроился на деловую встречу и потому рефлекторно вошел в профессиональный ритм. Он подметил, как длинный синий «фольксваген», проплывая мимо кафе, замедлил ход и скрылся за углом, а минуту спустя из-за того же угла вышел Сазонов. В спортивной тенниске, широченных белых шароварах и гольф-кепочке он выглядел чертовски стильно для генерала. Выпуклые солнцезащитные очки долларов за сто с прицепом и шикарный «коммуникатор» в руке дополняли облик и придавали Сазонову необходимый деловой шарм.

— Прости, немного задержался, — генерал скроил стандартную американскую улыбочку и огляделся по сторонам. Судя по всему, он ожидал, что из-за стойки выскочит услужливый гарсон и

поможет ему отодвинуть стул. Увы, сие заведение не относилось к категории кастовых и Сазонову пришлось собственноручно обустраивать свою задницу. Приладившись, наконец, на хлипком пластиковом креслице, он заказал и себе кофе с тоником, пригубил чашку и поморщился:

— Дрянь растворимая.

— Не я выбирал эту забегаловку, — пожал плечами Довбуш.

— Зато меня здесь, точно, никто не знает, — заверил Сазонов.

— Это, конечно, хорошо, — согласился Сергей, — только к чему такая конспирация? Ты что, собираешься предложить мне кого-нибудь «замочить»? Я сразу отвечаю гордым отказом.

— Нет, — тихо рассмеялся Сазонов, — Дело абсолютно чистое, но лишняя реклама не нужна.

— Неплохо было бы, если бы ты немного просветил меня насчет этого чистого дела.

— Нужно найти одного человечка или... его труп.

— Найти человечка или его труп? — изумленно повел бровью Довбуш, — Боря, ты меня сметишь. Кажется, подобная работа как раз по части твоего ведомства и вряд ли ее кто-то может выполнить лучше. Я не прав?

— Прав. Но как раз моему ведомству ее выполнять и нежелательно.

— Слушай, не люблю я котов в мешке. Если ты без выпендрежа приоткроешь завесу таинственности, думаю, ничего inferнального не произойдет.

— Ладно. Даю вводную. Пропавший человек — пресс-секретарь и особо доверенное лицо мэра нашего Южанска. Повторяю: особо доверенное лицо! Обо всех делах мэра он был осведомлен лучше самого мэра. Пропал две недели назад. Следов — никаких. Наше ведомство, конечно, ведет поиски, вместе с операми МВД, но складывается так, что мы все... Короче, лично мэру для этого дела нужен именно частный детектив. И притом такой, какой смог бы обскакать наши силовые ведомства.

— Ага. Значит, ты представляешь личные интересы мэра. Это уже кое-что... И почему нашему Отцу города нужен именно частный детектив?

Сазонов поерзал на месте вместе с креслом:

— Ну, ты же знаешь, какая в городе перед выборами обстановка, расклад сил какой...

— Не знаю, — насмешливо прищурился Довбуш, — Я не очень-то интересуюсь предвыборными баталиями.

Конечно, он понимал, на что намекает и куда клонит Сазонов, а все же хотелось услышать версию генерала, который представлял одну из

сторон — как выяснилось только что, сторону нынешнего хозяина города.

Ничего особо нового и интригующего, как и предполагал Сергей, он не услышал. Достоинно соперничать с нынешним мэром мог только один кандидат — начальник областного Управления МВД, генерал милиции Беляков. Беляков крепко держал поводья своего силового рысака и мог насолить сопернику по-всякому.

— Ясно... — Довбуш шмыгнул носом и покосился на стакан Сазонова, в котором соблазнительно изнывал-истаивал квадратный кусочек льда, — Значить, досточтимый Хозяин опасается, что эмвэдешники не найдут пропажу — верней, не захотят найти. Тем паче, что не исключает и их причастности к исчезновению.

— Точно так, — подтвердил Сазонов.

— А как же, все-таки, твоя контора?

— Видишь ли... Я всего лишь заместитель. Скажу больше. Меня впрягли в эту должность непосредственно из Москвы. Не скрою — именно для поддержки мэра. И я, пока надеюсь, чужеродное тело в городе. А мой непосредственный шеф... ни то, ни се. Короче: наша нынешняя контора — весьма неоднородная структура...

— Хорошая традиция, — усмехнулся Довбуш.

— И многие в ней и явно, и, хуже того,

скрытно, — подхватил Борис. — Поддерживают Белякова. Во всяком случае, мне трудно будет в процессе поисков избежать утечки информации. Это раз. А, во-вторых, палок мне в колеса насуют немало, даром, что я, считай, столичная персона. Белякова, знаешь ли, из центрального ведомства тоже подпирают очень серьезные люди.

— Слушай: закажи мне бутылку джин-тоника со льдом, — не утерпел Довбуш, — За твой счет.

— Конечно, — засуетился Сазонов, — А может, лучше, бутылочку шампанского?

— Давай шампанского, только холодного, — облизнул пересохшие губы Довбуш.

Сазонов лично направился к барной стойке и пока он там определялся с заказом, Сергей быстренько прикинул расклады. Вода, в которую ему предлагали войти, не походила на тихий омут, хоть и с чертями. Изобиловали в ней подводные течения, мели и рифы, в которые запросто можно тюкнуться темечком. Ну-де в подобных морях он всю жизнь и проплавал. Оставалось только узнать, во что оценят его лоцманские способности.

Ледяное шампанское приятно обожгло глотку, прошелестело в ноздрях ароматным ветерком.

Довбуш пустил сладкую слезу, крикнул и промокнул нос салфеткой.

— Хорошо. А каков размер вознаграждения за эту вашу чистую работенку?

— Сорок тысяч авансом и столько же по окончании работы. Текущие расходы не в счет.

— Долларов? — уточнил на всякий случай Довбуш.

— Ну конечно, — умилился Сазонов.

— Официальное прикрытие?

— Сделаю тебе корку сотрудника ФСБ через Москву и там же проведу по штату.

— Техобеспечение?

— Машина, мобильная связь, оружие и что понадобится из наших прибабасов обеспечу.

— Хорошо. Но я еще должен подумать.

— Ну ты даешь... — надул щеки Сазонов, — И как долго ты намерен думать?

— А вот перекурю, — Сергей выщелкнул из примятой пачки «Мальборо» предпоследнюю сигаретку, затянулся во весь объем грудной клетки и пустил голубую струю в небо, — И доложу свое решение.

Особо размышлять было не о чем. Подобный контракт в его нынешнем положении — манна небесная. Просто Сергей изначально не хотел упустить ни одного мелочи, ни одной детали в контракте, из-за которой потом никаких благ не возжелаешь. Да и то: одно дело, когда за твоей спиной стоит такая контора, как Первое Управление КГБ СССР и другое, когда ты один-одинешенек, хоть и семи пядей во лбу. А

мэр...

Что ж, типичный, как и большинство нынешних мэров, чиновный ворюга. Немного повернут на казачестве и славных кубанских традициях — но это, скорее всего, популистские штучки и четкий расчет на голоса определенной части электората. В других краях были бы и иные песни. А на практике... Всё, конечно, обтяпывает по-крупному и по-умному — не уцепишь. Взятки — только паями и акциями, так говорили, черный нал — только через посредников. Наверно, пропавший секретарь и был одним из таких стрелочников.

Все, вроде бы, всё о главе исполнительной власти знали, да что толку? Правда, тьякала в городе одна газетка с беляковской подачи, звонко тьякала, да все по мелочевке. В серьезных кругах на такой звон и голову не поворачивают.

Еще поговаривали, что эдакой тихой сапой мэр заделался едва не самым богатым чинушей в городе... Тоже сомнительно — город большой, промышленный, есть кому и от чего отломить...

А вот теневиков-криминалов, как ни странно, за семь лет мэровского правления повывели. Кого постреляли, еще в начале девяностых, кого посадили или спровадили подальше... Но это, если разобраться, заслуга не мэра, а его нынешнего соперника.

Заслуга? Неизвестно еще, что хуже: жесткий мафиозный контроль или ментовский беспредел.

А этого беспредела развелось в городе изрядно. Ладно бы еще по делу парни в погонах или камуфле упирались бы, на улицах порядок правильный поддерживали и в прочих точках, чтобы дать простому люду почувствовать: есть власть, есть закон. Так ведь нет — давили мелкого и среднего коммерсанта, а мелкий криминальный народишко — грабители, наркоторговцы и их жертвы, малолетние налетчики и воришки трудились безопасно. Вечером на двор лучше нос и не совать. Ну, разве что в культурном центре, на главном проспекте можно променад в сумерках сделать — там светло и патрули на каждом метре...

«Что там еще? — вспоминал Сергей, — Ах, да! Пенсии и зарплаты бюджетникам последние два года платят исправно в срок. За что нашему мэру, конечно, большое спасибо от всех трудящихся. Проспект замостил розовыми плитами — за счет владельцев учреждений, что на том проспекте обосновались. Красотища! Но в гололед по этой благодати можно только раком проползти. Говорят, в общении прост и доступен. Это, конечно, большая редкость. Ну — да поглядим...»

— Что ж, — Довбуш, игнорируя пепельницу на столе, стрельнул окурком в кустик за оградой

кафе, — В принципе я согласен. Только, как я понимаю, нужно еще согласие главного заказчика? Поскольку на некоторые условия, которые я намерен выдвинуть, добро может дать только он сам.

— Вот и отлично, — Сазонов даже потер аппетитно ладошки, — Тогда сделаем так. В мэрию, сам понимаешь, тебе соваться не за чем. Тебя никто в городе не знает — и не нужно. С Хозяином я тебя сведу у него на даче. Там и обговорите все окончательно.

— И последний вопрос, — Довбуш исподлобья заглянул в глаза Сазонова, зафиксировал взгляд, — Ты как на меня вышел?

— Честное слово, хоть верь, хоть не верь, — прижал тот к сердцу коммуникатор, — Чистая случайность. Я, конечно, подыскивал кандидата, а тут свернул за угол, гляжу — и глазам не верю. А ведь лучшей кандидатуры, пожалуй, не только у нас в городе не найти. А?

— Может быть, — скромно потупился Сергей.

Глава 2

Дождик, как назло, с утра семенил холодный и въедливый, совсем не летний.

Довбуш, решив привести себя в форму после долгой бездельной спячки, намотал в парке четыре

круга — ровно пять километров, поболтался на турнике и ограничил себя за завтраком одним яйцом и чашкой кофе. Засим облачился в легкую светлую пару, приличествующую моменту и спустился во двор.

Возле гаражей, как всегда, тусовались безработные пенсионеры, среди которых появление Сергея вызвало легкий ажиотаж.

— Ты чо, Серега, никак решил своего стального коня добить? — с оживленным удивлением приветствовал его местный технический авторитет Юрась.

— Точно, — Довбуш с зубовным скрежетом пробуравил замок ключом и потянул на себя дверь.

Та не поддавалась.

Сергей уперся в левую створку ногой и дернул изо всех сил. С козырька крыши прямо за шиворот ему посыпалась всякая дрянь, но стальная заслонка с жалобным всхлипом поддалась.

Из прохладной тьмы пахнуло машинным маслом, железом и мышами. Сергей обошел со всех сторон свой «опель», некогда престижной, а теперь почитай что реликтовой модели, пнул спущенное заднее колесо и горько вздохнул.

На «опеле» все еще можно было ездить, но на шум его дизеля непременно и тотчас сползутся гаишники, или, как их теперь, гибэдэдэшники со всего города. А не пройденный за три года

техосмотр сулил несусветный штраф...

Издав еще один удрученный стон, Сергей повернулся к Юрасю, что с нетерпением ожидал результатов обследования.

— Ладно. Агрегат нужен через два часа. Бутылка по окончании.

— Две, — непреклонно сдвинул брови Юрась, — За одну, барин, никак невозможно.

— Черт с тобой, крохобор, только кузов вымой.

— Как скажите: и помоем, и протрем, и колеса накачаем. Не извольте беспокоиться.

Юрась никогда не подводил. К месту randevу Довбуш поспел вовремя и марку выдержал.

«Гранд-чероки» Сазонова уже поджидал его на условленном месте. Сергей пересел в генеральскую машину и подмигнул Сазонову, что собственноручно восседал за баранкой, в зеркальце заднего вида:

— Вези меня, извозчик, по гулкой мостовой.

— Мостовой не обещаю, но шмонать будут, — предупредил Сазонов.

Дача мэра, как и предполагал Довбуш, находилась на Первом Солнечном.

Собственно, дачей ее назвать было трудно. Скромный трехэтажный особнячок на двадцать, эдак, комнатенок, с флигельком и башенкой. Тут все особнячки, как слышал Сергей, оформлялись

под дачи — так платить меньше и юридических трений не возникает. А инфраструктура — пжалте: шоссейка, газ, вода, телефон — чай первые люди города пыхтели тут на приусадебных участках. Может, потому и назывался поселок: «Первый Солнечный». От солнцеликости, значит, обитателей.

— Лепота, — только и молвил Сергей, активно вертя головой по сторонам, — Ты еще здесь избушку не пристроил?

— Нет. Здесь уже все забито. Я на Втором Солнечном обосновался, но гораздо скромней, — не без чувства законной гордости признался Сазонов.

— Молодец, — похвалил Довбуш.

— Вот мы и на месте.

— Послушай, конспиратор, ты на что намекал, когда говорил, что шмон будет? На охрану хозяина?

— Да, он последнее время постоянно с охраной.

— И что, в ней абсолютно надежные люди, которым обязательно знать меня в лицо?

— Черт, — досадливо протянул Сазонов, — Действительно, прокол.

«Не парился ты, Боря, на оперативной работе, — отметил Довбуш про себя, — Протирал штаны в кабинетах, нелегал хренов». Вслух

предложил:

— Ты звякни сейчас мэру, чтобы пропустили машину без осмотра в гараж. Тут же, как я понимаю, автостойло подземное и из него можно пройти в комнаты. И пусть уберет соглядатаев из коридора. А если кто невзначай любопытствовать будет — так к нему потом присмотреться следует внимательно.

— Правильно, — Сазонов уже терзал свою «нокию», — Повезло мне с тобой, все же...

«Еще бы», — хмыкнул Сергей про себя и прилег на заднее сидение — так надежней.

Мэр Южанска, Юрий Данилович Деревянко, в домашней обстановке выглядел простягой, но Довбуш мог отличить игру, даже очень хорошую, от естества. Деревянко, безусловно, играл, хотя хорошо, талантливо, без надрыва и позерства.

В простеньком спортивном костюмчике он встречал гостей прямо в подземном гараже. Сам распахнул заднюю дверь машины и едва ли не попытался помочь Сергею выбраться из салона. Тотчас протянул пухлую ладошку, энергично встряхнул руку гостя, пытливо заглянул в лицо: «Рад, искренне рад...»

«Интересно, вспомнит или нет?» — Сергей чуть сощурил левый глаз. Он был на приеме у мэра четыре года назад, когда пытался открыть частное агентство и тогда общался с хозяином города целых

пять минут.

— Где-то я Вас видел... — напрягся мэр, вспоминая.

«Молодец, — похвалил Сергей, — Ну давай, давай...»

— Ах, да! Кажется, Вы хотели открыть в нашем городе частное сыскное агентство?

— Точно, — кивнул согласно Довбуш, — У Вас прекрасная профессиональная память.

— Только моей работе это как раз и мешает, — скривил в подобии улыбки тонкие губы мэр, — Вы и не представляете, сколько новых лиц приходится видеть каждый день. И все они где-то в памяти накапливаются, давят на кору. Стоишь подчас и мучаешься — где же я его, черт подери, видел? И ведь нужно вспоминать, иначе, знаете ли, люди обижаются.

— Ага, — солидно поддакнул Сазонов, — Каждый ведь считает свою особу значимой и достойной памяти.

— Именно, именно, — помахал указательным пальцем Деревянко, — Да что мы тут торчим? Прощу в кабинет. Моих церберов, как вы просили, я удалил.

Действительно, никого не было ни на лестнице, ни в коридорах. Кабинет городского главаря, может, и будоражил воображение рядового обывателя, но лично Довбуша нисколько не

поразил. Сергей сразу отметил в атмосфере этой комнаты для работы серьезный изъян. Нет, обставлено все добротно и солидно. Деловая суть, деловой запах. Современный престижный канцелярский дизайн и шаблон. Изъян заключался в том, что здесь не работали. Кабинет — зеркало души работника эпистолярного жанра. И потому истый труженик пера и бумаги подгоняет его под свой, чисто индивидуальный и понятный только хозяину стандарт. А в кабинете мэра дух дела и не ночевал. Здесь не работали — здесь представлялись.

Зато в одном углу хозяин организовал эдакий интимный закоулок и он выглядел «живым». Три глубоких кресла, затянутых тонкой, морщинистой кожей, круглый журнальный столик. На столике пепельница, стационарная зажигалка «ронсон» и початая пачка сигарет «Парламент». Сюда мэр и пригласил ранних посетителей.

Довбуш бестрепетно обосновался в кресле, закинул ногу за ногу и подарил хозяину располагающую улыбку, полную самой искренней доброжелательности.

Мэр попытался ответить тем же, но только попытался, — как оказалось, улыбаться он не умел.

Сергей простил ему этот маленький недостаток, свойственный всем большим и ответственным работникам и, нарушая собственное

правило, заимствованное у мудрецов Востока, начал разговор первым:

— В принципе, я согласен взяться за дело, но у меня есть несколько непременных условий.

— Да-да, — с готовностью откликнулся мэр, — Я готов их выслушать.

— Борис предупредил Вас о специфике моей прежней работы? — решительно осведомился Сергей.

— Да, я знаю, Вы работали следователем в КГБ.

— Правильно. Только добавлю: следователем Особого отдела Первого Управления. «Чистильщик», так нас называли. Понимаете, что это такое?

— Немного. Я, знаете ли, люблю почитать детективную литературу и фильмы иногда смотрю, — повел плечом мэр.

— Литература — одно, жизнь — другое, — жестко вычеканил Довбуш изрядно потрепанную истину, — Так вот, условие первое: информация, которую я затребую, должна быть абсолютно достоверной. Ваше право не давать мне ее вовсе. Это крайне нежелательно, но допустимо. Но, повторяю, если Вы даете мне информацию, то искажения не приемлемы.

— Согласен.

— Второе: «чистильщик» — это

определенный кодекс поведения. Я понимаю, что нанимаюсь в другом качестве, но отказываться от соблюдения кодекса не намерен.

— В чем заключаются эти правила? — с живым интересом откликнулся Деревянко.

— Если Вы согласитесь на мои условия и мы заключим контракт, с момента его заключения я веду дело так, как считаю нужным и не доверяю никому, даже работодателю. И никто не в праве вмешиваться в процесс и, тем более, давать мне указания по ведению следствия. Вам нужен человек или его тело — я найду или то, или другое... Каким образом — сугубо мои проблемы. И, наверное, главное: запущенная боевая ракета обратного хода не имеет. Дело будет доведено до логического завершения, даже ценой моей собственной жизни. Обратного хода не будет!

— Хм... Действительно... — мэр поднялся тяжеловато и протопал в другой угол. Нажал на стене потайную кнопочку. Ореховая панель провернулась с мелодичным звоном и открыла цветистое благолепие комнатного бара.

Деревянко выгреб с полки пузатую бутылку бренди, три хрустальных стаканчика-бочонка, блюдечко с уже накрошенным лимоном. Осведомился через спину:

— Что пить-то будете?

— Цитрусовый сок, — сухо отозвался

Довбуш.

Мэр безропотно распахнул нижнюю створку бара и достал из холодильного отсека пакет с апельсиновым джусом. Выставил все на небольшой серебряный поднос и вернулся к столу. Протянул вопросительно:

— И отказаться от своих принципов Вы не намерены?

— Нет, — упрямо мотнул головой Довбуш, — Или ищите другого исполнителя.

— Ну, хорошо, хорошо, — мэр задумчиво потер виски и потянулся за бутылкой. Горлышко ее зависло над хрустальным бочонком, но мэр словно закаменел в своем порыве, уставившись куда-то в угол.

Наконец он встряхнулся, решительно наполнил рюмку себе и Сазонову:

— Договорились.

— Что ж, тогда плесните и мне, — криво усмехнулся Довбуш, — За успех предприятия.

Он одним броском отправил содержимое своего бочонка в глотку, пососал лимон и добавил:

— Неплохо бы скрепить договор обещанным авансом.

Мэр понимающе кивнул и направился к столу. Поколдовал с электронным замком небольшого сейфа, расположенного по правую сторону от рабочего кресла хозяина и извлек плоский

чемоданчик с наборными замками. Кейс, как понял Сергей, был приготовлен заранее.

«Не сомневались, что соглашусь, — отметил Сергей; без подсказки, по ощущениям, легко, играючи набрал нужную комбинацию и с нарочитой небрежностью откинул крышку аккуратного кейса, — Значит, заведомо и оптом принимали и мои условия».

Четыре пачки стодолларовых банкнот гляделись на дне кейса сиротливо.

Где-то Сергей слышал, что если такой портфельчик набить зелеными портретами Франклина под завязку, то выйдет ровно миллион баксов.

«Хотелось бы собственноручно проверить, — вздохнул Довбуш, — но пока удовольствуемся этим».

Он еще раз обречено прогнал грудью воздух и, хрустнув оберткой одной из пачек, обнажил наличность эффектным жестом банковского служащего. Затем достал из нагрудного кармана пиджака маленькую японскую машинку и сунул в нее первую банкноту.

Дервянко следил за этой манипуляцией ошалело. Затем быстро переглянулся с Сазоновым и пожал плечами.

— Простите, господин председатель, — не отрываясь от приятного, честно говоря, занятия,

уточнил Довбуш, — Я проверяю деньги не на подлинность — тут я уверен, а на наличие всяких тайнописей. А то еще всплывет где в ультрафиолете надпись типа: «Взятка», или вдруг краска какая неожиданно и в неподходящее время на руках вылезет.

— Ты что, боишься, что... — насмешливо попытался спросить Сазонов, но Сергей перебил его:

— Я ничего и никого не боюсь — ты знаешь. Но с момента вступления договора в силу я, как и предупредил, перестаю доверять даже работодателю. Ибо, по окончании дела, иногда у заказчиков возникает необходимость устранить исполнителя. А способы устранения бывают разные. Так что, господа, извиняйте...

— Однако, — покачал головой Дерявянко, — А платежная ведомость Вам не нужна?

— Нет. Никаких письменных документов как раз не требуется, — Сергей закончил проверку, захлопнул крышку и поерзал в кресле, устраиваясь поудобней.

Весело оглядел присутствующих и потер ладошки:

— Что ж, приступим к делу? Итак, вопрос первый: кому мог мешать Ваш секретарь? Кстати, мне хотелось бы знать его паспортные данные и кое-что из биографии.

— Векшин Вадим Георгиевич. Шестьдесят седьмого года рождения. По специальности — журналист. Закончил в... — стандартно затрещал фразами Сазонов.

— Достаточно, — остановил через некоторое время его Довбуш, — Жена, дети?

— Одна жена и один ребенок, — пошутил мэр.

— Значит, не мусульманин, — вернул Сергей. — Ну, и кому ваш референт мог круто насолить на хвост?

— Видите ли, — скорбно понурился Деревянко, — В последнее время у нас появилось очень много врагов, а Вадим вел все мои дела, так что... Врагов и у него хватало.

— Давайте, как договорились — начистоту, — сморщился Довбуш, — Вести дела — это одно, а вот прямая заинтересованность в делах — другое. Он был в доле Ваших коммерческих предприятий?

Деревянко быстро зыркнул на Сазонова — как будто этот молчаливый диалог мог пройти мимо Сергея, — и решительно выдохнул: «Да».

— Хорошо, — кивнул Сергей, словно и не ожидал другого ответа. Впрочем, и в самом деле не ожидал. — Таким образом, выделим основные аспекты деятельности вашего секретаря. Сугубо личные, пока, оставим. Остаются политика и бизнес. Так?

— Так, — одновременно поддакнули собеседники.

— Начнем с политики. Причастность к исчезновению ФСБ, как я понимаю, исключается?

— Абсолютно, — подтвердил Сазонов, — Даже если бы к делу приложили руку спецы центрального ведомства — я бы получил информацию. Это предусматривалось на самом высоком уровне. Не всю, но хоть минимум информации получил бы.

— Хорошо. Но в вашей системе есть еще УБОП ¹ Они, насколько мне известно, подчиняются непосредственно Москве.

— Исключено, — упрямо мотнул головой Сазонов, — Я, все же, не последняя пешка, а потому повторяю — участие нашей конторы в деле я исключаю.

— Уже легче. Теперь, как я понимаю, остаются ваши оппоненты по выборам.

— Да, и эту линию следует отработать особенно тщательно, — вмешался в диалог Деревянко.

— Отработаем, — заверил Довбуш, — Все отработаем. Теперь от политики в бизнес. Вот, к примеру, наша братва. Я не располагаю всей

¹ Управление по борьбе с организованной преступностью.

полнотой информации, приходится оперировать слухами. А по слухам Вы, Юрий Данилович, недавно оттяпали у братвы казино возле автовокзала. Так это — «одна баба сказала», или, действительно, «чисто, в натуре»?

— Было такое дело, — неохотно признал мэр, — Но наши криминалы невысоко летают и вряд ли осмелились бы наехать на меня подобным образом.

— А «не наши»? Скажем... ростовские? Опять-таки по слухам, у Вас, говорят, была крутая разборка с людьми Степаняна. Типа Вы отбили у них три бензозаправки на Северном шоссе.

— Гм... У Вас, Сергей, замечательная бабка, — хохотнул Деревянко, — Действительно, имел место прецедент, когда ростовские пытались захватить часть нашей территории и переговоры с ними вел Вадим. Они, конечно, просто, такие себе, «крутые криминалы», но... Может быть...

«Тебе смешно, козел старый, — зло ругнулся Довбуш про себя, — А мне за твои паршивые бабки еще и Степаняна, человека бывшего премьера, за глотку брать предстоит. А там ребята покруче нашего милицейского генерала — хотя у него тоже репутация серьезная».

— Ладно, — Довбуш поднялся, давая понять, что аудиенция окончена, — Фронт работ определен. Сроки?

Мэр пожал плечами:

— Результат — прежде всего. Да, чуть не забыл. Вам ведь еще понадобятся средства на текущие расходы.

«Действительно, — укорил себя Сергей, — О слоне чуть не забыли».

— По этому вопросу координируйтесь с Борисом. Все оперативные вопросы — в его компетенции.

— Договорились, — Довбуш сухо откланялся и направился на выход.

Уже в машине Сазонова, когда она отъехала от сказочного поселка, Сергей укоризненно покачал головой и ласково посетовал:

— Борис! А, Борис! Зачем ты зарезал царевича Сергия?

— Тебя зарежешь, — усмехнулся Сазонов, — С чего думаешь начать?

— С наименее вероятного — с нашей братвы. Мне, кстати, нужны координаты Сенатора. Кажется, именно он не поделил с мэром казино?

— Точно. Координаты дам.

— А остальное?

— Завтра будет готово. Считай, что сегодня у тебя выходной.

— Хорошо. Только продумай систему связи, чтоб без проколов, как сегодня.

— Проколов больше не будет, — заверил

Сазонов.

— Хочется верить, — буркнул Сергей под нос и отвернулся.

...Квартирку, в годы своего материального благополучия, Довбуш приобрел неплохую. Трехкомнатную, широкоформатную, в центре города, да еще с гаражом во дворе. Теперь, вернувшись домой, он, прежде всего, внимательно осмотрел входную дверь. Проворчал сердито: «Знаем мы ваши методы. Несподручно, им понимаешь, в расследование влезать».

Не обнаружив ничего подозрительного, констатировал удовлетворенно: «Не успели еще», и проследовал на кухню. Сразу, сопя и чертыхаясь, перекаптал из угла громоздкий холодильник.

Здесь, в углу кухни, была небольшая ниша. На всякий случай Сергей, как только вселился, оборудовал в ней тайник — не то, чтобы по всем правилам искусства, но отнюдь не примитивный. Нишу почти полностью заложил кирпичом, оставив лишь небольшой карман. В него аккуратно, впритирку входил железный ящичек с толстой передней панелью. Такая панель нивелировала звук и при выстукивании стены не выдавала тайник. Спрятав в него свои сокровища, Сергей заштукатурил нишу и наклеил сверху обои. Теперь тайник реально обнаруживался только при помощи

ультразвукового сканирования стены. А это уже определенный уровень, недоступный, к примеру, квартирному вору.

Расстелив на полу газеты — для порядка, — Довбуш содрал обойную полосу, оббил штукатурку. Затем подковырнул отверткой ручку, утопленную в переднюю панель, и вытянул за нее тяжелый ящик.

Чего только не было в сокровищнице Довбуша! Пачка баксов — НЗ, десять тысяч на «черный день» и килограммовый золотой слиток — для тех же целей. А главное, целый набор шпионских прибабасов, без которых никакой агент не выстоит.

Разложив орудия производства на письменном столе, Довбуш прикинул, что может понадобится в первую очередь. Чернильная ручка «Паркер» с золотым пером — она же однозарядный пистолет. Отстой. Чернильными ручками давно никто не пользуется. Массивная зажигалка «Ронсон» — тоже пистолетик, из которого можно пухнуть разок, или пустить струю газа в лицо.

«Сгодиться», — решил Сергей и отложил зажигалку в сторонку.

Восьмизарядная «берета» с глушителем. Довбуш полюбовался вороненым сиянием элитарного оружия и со вздохом отложил его в другую сторону. «Обойдемся без «береты».

Сазонов обещал табельную пушку — с ней и управимся, чтобы, если что, не отвечать на лишние вопросы».

Еще один пистолет — странный, плоский, с широким стволом.

«Этот пригодится, нужно только заряд проверить — соседская собачонка, нахальная до невозможности, как раз для этой цели подойдет...»

Электрошокер, прибор ночного видения, два крохотных диктофона, замаскированные, опять-таки, под зажигалку... Фотоаппарат в пряжке ремня... И прочие, иногда весьма нетрадиционного вида и понятного далеко не каждому приборы и приспособления...

Довбуш быстро сортировал их по кучкам. Направо — налево, в ящик стола — на полку.

Из отобранных приборов Сергей принялся доставать батарейки и аккумуляторы — проверял все на годность и исправность. Приборы работали, даже аккумуляторы в некоторых подсели незначительно — это за восемь-то лет.

«Западное качество», — удовлетворенно отметил Сергей, обходя с одним из приборов комнаты. Прибор нигде не запищал — значить друзья и покровители из местного ФСБ еще не всучили «жучков» — «для подстраховки», как выразился Сазонов.

Угомонившись, Сергей прибрался в кухне,

сварил кофе, устроился в покойном кресле напротив искусно выполненного электрокамина и принялся выработать план кампании.

«Итак: о моей благородной миссии знают двое. Мэр и Сазонов. Братия ненадежная и, подозреваю, неквалифицированная. С квартирки лучше на время съехать. Ее легко вычислить. Варианты? Снять на время комнату или повести набеги с дачи? На даче легко спрятать шпионское барахло. Ездить, положим, далековато, зато по дороге легко отследить «хвост» и оторваться. Так и сделаю. Мобильную «трубу» Сазонов обещал. Оно, конечно, да, но... нет. По «трубе» меня и прослушать можно, и вычислить мое местонахождение. То же самое — обещанная тачка. С этими дареными конями можно впросак попасть...

«Что я драматизирую? — прервал измышления Сергей, — Прямо операцию «зачистки» планирую. Дело — куда проще. Эх-ма! Гулять — так гулять!»

Он порывисто выдернул тело из кресла, распахнул дверь бара, в котором сиротливо тосковала непочатая бутылка армянского коньяка. Свернул решительно золотистую головку, набулькал в простой стакан грамм сто пятьдесят. Чокнулся со своим отражением на задней зеркальной стенке бара:

— За успех! — и единым, кощунственным по отношению к благородному напитку, махом, опрокинул стакан в глотку.

Глава 3

Ночь выдалась подходящая. Случаются в июле такие ночи. Вдруг налетает с далеких северных морей холодный ветер, укутывает луну и звезды ватной пеленой облаков, истекает мелким дождиком. Июльская жара в такие ночи сдает свои позиции и уже грезится неблизкая осень.

Довбуш еще раз оглядел виллу Сенатора в бинокль ночного видения, глянул на циферблат часов и неохотно приказал самому себе: «Труба зовет — вперед». Отряхнулся, словно мокрый пес, натянул на голову черный балахон «от ниндзя» и выбрался из своего укрытия в корнях старого дуба. Как трехсотлетний великан уцелел на окраине лесопосадки, можно только гадать, но лучшего убежища не придумать. И вилла Сенатора «на ладони». От дуба до нее двести метров по прямой.

Пригибаясь, словно на линии огня, Довбуш в кромешной тьме преодолел двухсотметровку и привалился к решетчатой ограде виллы.

Сенатор свое цивильное бытие за глухим забором не прятал, хотя поверх решетки между острых пик пропустил в три ряда колючую

проволоку. А еще мотался за оградой матерый ротвейлер. Он, зараза, без лая вывалил из-за кустов сирени и едва не исхитрился цапнуть Сергея сквозь прутья за руку. Наличие ротвейлера Сергей предвидел — недаром рыскал вокруг senatorского лежбища трое суток.

Сенатор — не Бог вещь какой авторитет в масштабах станы, но... не подарок. Десять человек охраны на трех джипах таскал за собой безотвязно. И все харчевались и подживались в его «скромном» трехэтажном домишке. Распорядок жизни босс установил банальный, принятый в российских мафиозных семействах. Подъем — к полудню. Физзарядка, бассейн, легкий завтрак — и по коням. Инспекция офисов и фирм, «терка» с братвой, если нужно — то и «стрелка». Рутинная, в общем, работенка. Вечером плотный ужин в ресторане — Сенатор предпочитал «Европу» и «Фламинго», а после — культурный отдых и развлекательная программа в ночном клубе. Отбой в четыре-пять утра. В это время босс, как добропорядочный обыватель, возвращался в родные пенаты и беззаботно дрых до полудня.

Во время ежедневных отлучек на его вилле оставались два охранника, домработница и повар-кореец (подходящего китайца в Южанске не нашлось). Был еще приходящий садовник. Жена-красавица с десятилетней дочерью парилась

второй месяц на Гавайях.

Часть бытописи южанского пахана Довбуш выведаль у Сазонова, часть — сам разведал. К операции готовился недолго: дело привычное и, по сути, несложное для спеца его уровня.

— Ну, собачка, сделай «гав», — причмокнул языком Довбуш.

Ротвейлер обиженно хрюкнул и оскалил желтые влажные клыки. Довбуш быстро прицелился из плоского пистолета и нажал курок. Шприц-тюбик с едва слышимым хлопком вылетел из широкого ствола и вонзился в шею собаки. Мужественный пес без визга завертелся на месте, пытаясь достать зубами занозу. Потом замер на месте, загреб вяло землю задними ногами и повалился набок.

Дозу Довбуш рассчитал минимальную: через час-полтора домой пожалует хозяин и пес должен приветствовать его радостным вилянием обрубка хвоста и жизнерадостным лаем. Правда, Сергей сомневался, что свирепый ротвейлер, вообще, умеет лаять.

Охранников Сергей не опасался. Бездельники давно обосновались на веранде с противоположной стороны дома и напропалую резались в карты. Убедившись, что ротвейлер не трепыхается в цепких лапах Морфея, Сергей снял с пояса трехпалую «кошку», обмотанную ветошью и ловко

забросил ее на ограду. Подъем занял три секунды. Сняв «кошку», Довбуш мягко прыгнул на рыхлую землю, не преминув сделать себе внушение. Может, со стороны его рывок и выглядел верхом ловкости, но сам Фаворит чувствовал, как тяжело поддаются команде детренированные мышцы и натужно упираются потерявшие эластичность сухожилия.

«Фраер пакостный, — сердито обругал он себя, — Тебя бы по лабиринту прогнать по схеме девять — быстро бы в чувство пришел».

Впрочем, обсуждать собственные кондиции было недосуг. Сергей выдернул из шеи ротвейлера шприц и тенью просочился сквозь романтический, благоухающий садик. Привалился к стене домика, повел ушами, словно сторожевой доберман — тишь вокруг да благодать.

Полукруглое окошко на чердаке он облюбовал после первого же внешнего осмотра виллы. Собственно, выбирать было не из чего — все окна, вплоть до чердачных, хозяин забрал толстыми ажурными решетками времен раннего феодализма. Худа без добра не бывает — по этим решеткам Сергей и вскарабкался до заветного оконца. Зависнув на левой руке, правой приклепнул на стекло толстую бумагу-липучку и легким ударом кулака, почти беззвучно, высадил его. Тело, кажется, набирало утраченные кондиции и Сергей легко протащил его в полукруглую амбразуру.

На чердаке пахло горячей глиной, лесопилкой и прелыми яблоками. Привычный запах сельского чердака. Подсветив крохотным фонариком, Сергей пугнул парочку вальяжных крестовиков, обогнул штабель разнокалиберного бруса и без приключений добрался до небольшой двери.

Тут возникло небольшое препятствие. Дверь оказалась запертой, и если бы со стороны лестницы на ней висел хоть и больше декоративный, но навесной замок, сложность бесшумного проникновения могла оказаться неразрешимой. Но старые, добрые «а ля амбары» нынче не в моде. Не вписываются они в евростандарт. А потому хозяин оснастил все двери замками-ручками, теми самыми, что в респектабельном обществе отмыкаются кредитными карточками.

Кредитной карточки у Довбуша не было, а потому воспользовался он универсальной отмычкой из джентльменского набора домушника. Замок сдался на втором повороте. Сергей аккуратно притворил за собой дверь и прокрался на цыпочках вниз по витой стильной лесенке.

Все же с эстетикой у новорусских сибаритов не все в порядке. Витая лесенка неожиданно переходила в дубовый, щедро лакированный портал с резными перилами, завитушками и прочими излишествами первой гильдии. Зато коридор второго этажа был выполнен в худших традициях

позднего ренессанса. Дорого, да аляповато. Горели здесь в четверть накала вычурные бронзовые бра, немало облегчая Сергею задачу ориентировки. Тускло отсвечивали позолотой рельефные испанские шпалеры. Мягко пружинили под ногами бордовые, ворсистые ковровые покрытия.

Довбуш нетопырем промчал вдоль всего коридора и безошибочно ткнулся в нужную дверь. Вот она — святая святых, опочивальня криминального принципала. Сенатор имел хорошую привычку спать всегда в спальне. Видать еще с тюремных нар взлелеял мечту о беспредельном постельном просторе, прохладных, скользящих простынях и лебяжьих подушках.

Фаворит окинул взором бескрайнюю широту кровати, которая одна могла бы вместить персонал небольшого борделя. Полубовался групповым портретом семейки лесбиянок, что совокуплялась в пределах двухметровой рамы над царским ложем и, подивившись бойкости кисти неведомого автора, решительно шагнул к шифоньеру.

Шкаф-купе, выдержанный в лучших традициях французского дома, вполне мог поглотить в свои недра роту гвардейцев-заговорщиков, так что один Довбуш разместился в нем со всеми удобствами. Он уселся прямо на днище бельевого трюма, подобрал коленки и выложил на них бесшумный ствол ПСС

— презент Сазонова, способный пробить с двадцати метров двухмиллиметровый лист железа. Чуть-чуть, на четверть дюйма приотворил для обзора створку шкафа и настроился на ожидание.

Сенатор прибыл где-то около трех часов двадцати минут. Сергей и без часов, с помощью внутреннего биологического хронометра мог определить это с точностью до пяти минут. Дверь спальни распахнулась фривольно — так приложиться к ней могла только хозяйская рука и в спальню нетвердо шагнул Сам.

По воровским понятиям карьеру себе Сенатор, в миру Сеня Бортко, сотворил почти блестящую. «Короновался» на третьей ходке, еще не достигнув тридцатилетия, и ни где-нибудь, а в Бутырках. Впоследствии ничем не запятнал свое гордое звание. Отличала его, помимо врожденной дерзости и удачливости, редкая рассудительность и расчетливость. Потому коллеги охотно вверяли Сене почетные функции «разводящего» и «смотрящего» — и до сих пор Сенатор такое высокое доверие оправдывал. А, все же, провинциальный авторитет — не столичный. Но по своей рассудительности Сеня сам выбрал принцип Цезаря: «лучше быть первым парнем на селе, чем вторым в столице» и свято этого принципа придерживался. Строгий, но справедливый, он крепко держал в руках южанскую братву;

беспредела не допускал, залетных не поощрял и всякие посягательства на свой трон обламывал круто и жестко.

А еще любил Сеня «оттянуться по-полному» в благородном обществе. Разбирался в хороших напитках и блюдах, разговор светский мог поддержать. Одно слово — Сенатор, хоть и провинциальный.

Слегка пошатываясь и аппетитно отрыгиваясь, Сеня прошагал к грандиозному своему сексодрому и прямо в штиблетах от «Стилмен» повалился на снежное покрывало, кое-где расцвеченное розовыми бутонами. Выкрикнул в коридор: «Все! Писец! Кочумаю!» Дверь спальни, словно по мановению волшебной палочки, затворилась и принципал остался в одиночестве. В воздухе, облагороженном сплитсистемой, пахло дорогим парфюмом, осетровым балычком и коньячными клопами.

Повалявшись минутку, Сеня обречено вздохнул и принялся сдирать со ступней крокодилью кожу. Управившись, небрежно забросил туфли под тумбочку, скатился с кровати и, на ходу сдирая штаны, заскакал к шифоньеру. Размахисто рванул дверку — и ошарашено уставился на толстый ствол, что уперся ему прямо в пупок. Затем перевел полный недоумения взгляд вверх и вытолкнул со страстным придыханием: «Ты

кто, в натуре?»

— Я — домовой! — гордо сознался Довбуш и подмигнул Сенатору правым глазом.

Несколько мгновений Сеня натужно пытался определить, уж не поймал ли он спьяну глюка. Нет. Зрительное восприятие весьма чувствительно подкреплялось сенсорными ощущениями в области пупа.

— А чего тебе надо? — резонно спросил Сенатор, заморожено глядя в прорезь маски, где весело поблескивали глаза Домового. Врожденная рассудительность, кажется, начала возвращаться к Сенатору и он скоро сообразил, что нежить явилась не по его душу. Иначе он бы, уже с небес, созерцал свое грешное тело с развороченным брюхом.

— Побазарить надо, — шмыгнул носом Довбуш и отеснил Сенатора стволом пистолета к креслу у трюмо. — Ты присядь, присядь, братан. Разговор будет долгий.

Не спуская Сенатора с прицела, Сергей мягко скользнул к двери, щелкнул кнопкой замка. Затем по-хозяйски распахнул бар-холодильник в углу, стилизованный под общее настроение. Выгреб из него запотевшую бутылку «Бон Пуассона».

— На, освежись. Предложил бы пива, да оно, знаешь, на карболку ² плохо ложится, — он

² Карболка — коньяк / блат./

швырнул бутылку Сенатору и тот довольно ловко ее подхватил.

Жадно приложился к горлышку, в один присест высосал две трети, и, облегченно отдуваясь, осведомился нелогично:

— А если я пристяжных ³ кликну? Разорвут в клочья.

— Это — вряд ли, — покачал головой Довбуш, — И потом, ты ведь этого уже не увидишь.

— Ладно. Тогда базарь быстрее, счетчик включен, — Сенатор на глазах свежел, обретал утраченные понт и гонор.

— А куда торопиться? — хмыкнул Сергей, — Мне твой счетчик до фени. Да и вопрос у меня только один.

Он неспешно прошагал к кровати, присел на краешек, поиграл кончиком ствола:

— Итак, приступим. Ты знаешь секретаря городского босса?

— А... Вот ты зачем прихлял, — с полуоборота врубился Сенатор и многозначительно покивал головой, — Ну, положим, знаю этого фармазона ушастого. ⁴

³ Пристяжные — окружение воровского авторитета. / блат./

⁴ Фармазон — мошенник.

— Ты его заказал?

— Ты чо, в натуре, — Сеня довольно искренне обиделся, — На хер мне этот городской шушар?

— Казино «Фламинго», положим, не поделили.

— Ну, было такое качалово, ⁵ — охотно сознался Сенатор, — Так он же поддужный городского корынца ⁶. А с корынцем мы запрессовались по-рыхлому и елочкой. ⁷ Мне, знаешь, в залупу лезть резона нет.

Фаворит обреченно вздохнул и неуловимым движением выдернул невесть откуда короткую палочку. Повертел ею перед самым носом Сенатора.

— Знаешь, что это такое?

— Не...ет, — недоуменно отшатнулся тот.

— Это явара, — туманно пояснил Довбуш, — Давненько я что-то не вспоминал стю-джитсу.

Он небрежно бросил ПСС на покрывало,

⁵ Качалово — спор.

⁶ Корынец — отец. Поддужный — помощник.

⁷ Договорились быстро и хорошо.

пружинисто вскочил и вдруг молниеносным выпадом захватил правую кисть Сенатора. Палочка, невесть каким образом, заплелась меж пальцев авторитета. Тот инстинктивно попытался отдернуть руку и едва не взвыл от пронзительной боли, резанувшей по суставам пальцев.

— Вот, — удовлетворенно констатировал Довбуш, — Но еще далеко до порога болевой чувствительности. Хочешь, вертану на полную? Поверь на слово: утюжок на пузо по сравнению с этим — детская забава.

— Да ты чего, козел? — яростно зашипел Сеня, — я ж...

— А это за козла, — Довбуш поиграл яварой и одновременно левой ладонью приклепнул рот Сенатора.

Тот замычал кастрированным бугаем и выплеснул из глаз потоки горьких слез.

— Будешь грубить? — тоном строгой мамыши спросил Довбуш.

Сеня лишь энергично замотал головой.

— Хорошо, — Довбуш ослабил хватку и отнял ладонь ото рта бедняги, — Теперь еще раз, серьезно. Допустим, я верю, что это заказал секретаря не ты. Но ты же смотрящий. Должен быть в курсе. Кто и зачем?

— Пидар буду, — торопливо принес наивысшую воровскую клятву Сеня, — Братва не

при делах. А если контора его уделала, то самая высоковольтная. ⁸ А это не моя параша.

— Ладно, будем считать — запрессовали.

Фаворит пластичным жестом выдернул явару и она тотчас исчезла где-то в его рукаве.

— Ну, мне пора отваливать.

— Хотел бы я знать, как ты собираешься это делать, — криво ухмыльнулся сквозь слезы Сенатор.

— А разве ты меня не проводишь до такси? — изумился Сергей.

Сенатор, к которому снова потихоньку стала возвращаться былая бодрость, возмутился весьма энергично:

— А хрена тебе. Как прихлял — так и линяй, а я погляжу.

— Опять хамишь, — вздохнул Фаворит, пошарил рукой в рюкзаке за спиной и вытащил из него крохотную пластиковую коробочку, из которой зачем-то торчала короткая леска с большим рыболовным крючком.

— Это еще чего? — тревожно покосился на коробочку Сенатор.

Опасался он не напрасно и охотные пояснения ночного гостя подтвердили самые худшие

⁸ Контора — ФСБ.

опасения.

— Это, в эквиваленте, сто грамм тротила направленного действия, — Довбуш легонько покачал на ладони убойный коробок, — С дистанционным управлением. Радиус управления — двести метров. А вот и пульт, — он потянул из нагрудного кармана черного спецназовского комбеза плоскую пластину с двумя кнопками, — Ты Джека Лондона читал?

— Чи...и...тал, — сквозь неожиданную икоту продавил Сенатор.

— Да, я забыл, ты же у нас интеллектуал. Так у него есть рассказ такой, про страшные Соломоновы острова. Там толковую шашку обматывали лесой с рыболовным крючком, зажигали шнур и цепляли ее туземцам на набедренную повязку. А бедняги никак не могли догадаться и сорвать шашку. Но ты то у нас сообразительный, так что... Ну-ка, встань.

— Не буду, — насупился Сенатор капризным школяром...

— Вставай, сука, — Фаворит давая понять, что с лирикой покончено, ювелирной точности тычком вогнал ему два пальца в ноздри и потянул беднягу из кресла.

Сенатор попытался отбить клешню, так неучтиво нанизавшую нос. Довбуш жестким контрударом левой в плечо перехватил его руку, и

она сразу повисла плетью.

— Да что ж ты, падаль, делаешь! — гнусаво завопил Сеня, пытаясь высвободить обонятельный аппарат из клещей.

— А ты не рыпайся и делай что говорят, — Довбуш разогнул пальцы и брезгливо вытер их о штанину, — Скажи спасибо, что ноздри не вырвал каторжанину. Ну, встать! Спиной повернись! Вот так, молодец.

Сенатор покорно выполнял команды и Сергей успокоительно заверил.

— Не будешь понты гонять — разойдемся миром.

Машинку он привесил Сенатору точно посреди лопаток и насмешливо предложил:

— Ну-ка попробуй, достань.

Прогнувшись назад, Сеня, конечно, мог дотянуться до своей потенциальной смерти, но на это требовалось время.

— Вот... Сверху набросим пиджачок, — засуетился Довбуш, словно местечковый кутюрье вокруг клиента на первой примерке.

Теперь задача быстрого самостоятельного разминирования и вовсе стала для Сени непосильной.

— Так...с. А теперь погляди сюда.

Довбуш помахал перед его посиневшим отекившим носом пультом:

— Эту кнопочку нажимаем. Во, лампочка загорелась. Есть, значит, активация. Вторую кнопочку тоже нажимаем и так удерживаем.

— Ты шо, му...му...жик, — Сенатор побледнел, как свежесвыбеленный потолок и весь мгновенно покрылся бисеринками холодного пота, — За...а...чем?

— А затем, лох ты деревенский, я ж не сраный исламский шахид из дешевого боевика. Машинка сработает на отжатие кнопки. Это на случай, если какой Соколиный Глаз отстрелит руку или башку. Тогда ведь кнопку тиснуть не успеешь. Так что сделай так, чтобы твои «быки» вели себя белыми мышками. Ну, выводи, Сусанин, на дорогу, — и Сергей легонько подтолкнул Сенатора к выходу.

В большой гостиной-студии на первом этаже сенаторских хоромов чахли последние ростки вечернего разгула. Краснорожий ублюдок вяло тискал в кресле у камина красну девицу в одних ажурных трусиках. Рядом с ним, в другом кресле важно сосал толстую сигару некий сноб носорожьего типа. Откуда-то издалека доносился плеск воды и восторженный женский визг.

Сенатор прошел мимо распахнутой настежь двухстворчатой двери, даже не заглянув внутрь. Сергей, конечно, кинул вглубь комнаты любопытствующий взгляд — с этой стороны его предприятию ничто не угрожало. Но дисциплинка в

стане врага все же не расклеилась окончательно — у дверей на самом выходе бдительно клевали носами два «дизеля» в одинаковых стильных костюмах. При виде хозяина, спускающегося по лестнице нарочито бодрой походкой, парни активировались и приняли бойцовскую стойку бультерьера. В мягком полумраке интерьера они не сразу различили за спиной суверена черную фигуру супостата в маске.

— Привет, мужики, — радушно приветствовал их Сергей, выглянув из-за широкого сенаторского плеча.

Вот это был апофеоз. Можно сказать, смело — Довбуш всю жизнь прожил ради таких ключевых сцен. Парни, конечно, попались тренированные и девятимиллиметровые шпаги свои обнажили почти молниеносно. Почти: настройся Сергей на кровожадный лад, он бы уложил их на мгновение раньше.

Следовало отдать должное Сене. Он неподражаемым, истинно сенаторским жестом, выбросил вверх правую руку и властно отрезал, хоть и с легкой хрипотцой:

— Спокуха. Клыч, Буфер — кочумайте. Волыны уберите — это мой гость. Ну!

Дизеля послушно, хоть и не так быстро, попрятали пушки по кобуркам.

— Клыч, — продолжал распоряжаться

Сенатор, — Выйди и предупреди Сыча, что я провожу гостя до тачки. Пусть калитку откроет и без кипеша.

— Молодец, Семен, — одобрительно шепнул ему на ухо Довбуш, — Только пусть еще не забудет от греха подальше собачку убрать.

— И Лорда загони, — уже в спину преторианцу выкрикнул Сенатор.

Довбуш выдержал паузу, достаточную, чтобы Клыч выполнил распоряжение и легонько подтолкнул Сенатора в спину. Уже у самого выхода, когда Буфер услужливо распахнул перед хозяином и его гостем дверь, из бокового коридорчика вдруг вывалил сильно нетрезвый, но очень колоритный типаж двухметрового роста. Чтобы не нарваться на непредсказуемую реакцию нового действующего лица, Довбуш пружинисто метнулся в сторону пришельца и эффектным тычком костяшками пальцев в синокаротидное сплетение на шее вывел его из строя.

В небе уже брезжили предвестники рассвета и от недалекого Дона тянуло прохладцем и запахом речной тины. Довбуш с Сенатором без приключений пересекли ухоженный дворик с английским газоном. Возле калитки их поджидал упомянутый Сыч, рожа которого, действительно, могла служить тотемом племени Рыжей Совы. Пернатое вело себя на редкость миролюбиво, хотя

Довбуш отследил брошенный на него исподлобья цепкий взгляд профессионального соглядатая.

Они, почти в обнимку с Сенатором, прошагали по неосвещенной поселковой улочке метров сто и остановились у поворота на шоссе, что связывала Солнечный с центром провинциального мегаполиса.

— Здесь, увы, нам придется расстаться, — сокрушенно вздохнул Довбуш, — Провожать домой меня не надо.

— Сколько зеленых тебе накинут за труды? — неожиданно осведомился Сенатор.

— Неприличный вопрос в деловом обществе, — хмыкнул Сергей.

— У меня за сдельную работу можешь получать вдвое больше.

— Я подумаю, прежде чем прислать визитку, — сухо поклонился Довбуш, — Машинку можешь отцепить через десять минут. Уточняю: не раньше.

Он сделал Сенатору прощальный жест ручкой и растворился в рассветной серягине.

Глава 4

Потенциальная вдова, как ни странно, безутешной не выглядела, скорей наоборот. Довбуш вел ее от самого детсада, где Лариса

Векшина содержала младшего отпрыска.

Детсад еще тот. За глухими заборами и семью запорами. И с ВОХРом на входе. Папы и мамы за своими чадами сюда пешком не ходили. Потрясая «мотороллами» и «нокиями», они расхватывали наследников джипами, «мерсами», «бумерами» и разносили по своим семейным гнездам.

Векшина из общего настроения не выпадала. Хоть и не на «гранде», но на «чероки», и прикид при ней. По дороге сделала променад в открытом кафе «У Тамары» на набережной. И пока сынишка гонял на детском электроджипике по площадке, Лариса вдоволь насладились общением с двумя подругами за чашкой кофе и стаканом сока. Кофе — сотенная за чашку, сок — еще сотенная. Итого, с прокатом машинки, посидела на полштуки.

Жили Векшины неподалеку — здесь же, на набережной, в элитном, некогда обкомовском доме. Нынешние высшие городские чины почти поголовно перебрались в частные особняки, так что дом перешел во владения деятелей средней руки. Постоянную охрану и консьержек из подъездов пришлось убрать — не по чинам роскошь, — но ни былого обаяния, ни широты апартаментов девятиэтажный домишко от этого не утратил.

Джип Лариса загнала в гараж во дворе. «Значит, никуда больше не собирается», — отметил Довбуш. Бойко стуча высокими каблучками по

асфальту, поволокла чадо за руку к подъезду.

Сергей выждал еще двадцать минут, чтобы хозяйка могла подняться к себе на пятый этаж, отдышаться с дороги и привести себя в надлежащий «домашний» вид. Затем, еще раз, обозрел облепленную тарелками спутниковых антенн и коробами кондиционеров многоэтажку и выбрался из своей «таврии». Поправил узел галстука, сдул с рукава белой рубашки букашку и уверенно зашагал на randevу.

Лифт Сергей проигнорировал, хотя тот и подмигивал дружелюбным зеленым глазком-кнопкой и неспешно поднялся на нужный этаж. По дороге оценил интерьер и детали внутренней планировки. Подъезд, как подъезд. Разве что почище своих собратий в рабочих спальнях районах. Зато двери на входах в квартирные блоки знатные.

«Броня наша все еще крепка», — прокомментировал Сергей, с удовольствием оглядывая стальные заслонки, заделанные где под дерево, где под пластик, а где и под свое истинное железное нутро. Кое-где проглядывали над входами камеры слежения. Над дверью десятой квартиры, где обитал секретарь-референт мэра, камеры не было, но в качестве смотрового «глазка» господин Векшин задействовал... танковый триплекс.

«Вот так молодчага! — хохотнул Сергей, —

Чем не свежая идея? А видать опасался, бедолага, что сквозь обычный «глазок» могут и пулю в глаз вогнать. Не напрасно опасался, только вот кого конкретно? Так...с, посмотрим, что еще тут есть. Распределительная коробка телефонной сети... Замечательно. Сигнализация отечественной системы, завязанная на милицию. Замочки итальянского, похоже, производства. Переговорное устройство. Бункер, и итить твою мать!»

Прокашлявшись, Довбуш еще раз поправил галстук и решительно тиснул кнопку звонка. «Кто там?» — почти тотчас засипело переговорное устройство.

— ФСБ, капитан Довбуш, — доложил Сергей и предусмотрительно потянул из нагрудного кармана представительскую книжицу.

«Удостоверение есть?»

Довбуш молча сунул ксиву в окошко триплекса.

Хоть переговорная хрипелка и сделала все возможное, но голос из нее доносился явно не хозяйский.

«Домработница, — без особого напряжения догадался Сергей, которого Сазонов снабдил почти исчерпывающей информацией, — Теперь будет долго рассматривать фото и печать. Потом пойдет консультироваться к патронессе. Минут пять еще проторчу на площадке, а светиться перед соседями

крайне нежелательно»...

Ну, пять не пять, а три минуты он, таки, прокуковал, хотя опасения оказались напрасными — никто из соседей на горизонте не вырисовался. Наконец железная дверца изволила приоткрыться и пропустить незваного гостя.

— Ну, и чем обязаны? — хозяйка, как и предполагалось, успела облачиться в миленькое кимоно с драконами, хотя грим с лица еще не убрала.

Хрупкая шатенка, лет тридцати, она выглядела гораздо моложе своих, не столь уж угрожающих, лет. Эдакий промежуточный этап между голенастым тинэйджером и девицей на выданье. Аккуратный носик, пухлые губки, зубки-жемчужинки... Неплохой изначальный грунт плюс доводка хорошими мастерами визажа и косметологии. Волосы роскошные, настоящее украшение, присобраны в узел на затылке. Точеные, с ровным загаром ножки и ручки. А глазенки шустрые. Очень шустрые — явно себе на уме хозяйюшка.

— Собственно, ничем не обязаны, — мило оскалился Довбуш, — Просто назрело несколько вопросов в связи с...гм... пропажей Вашего супруга.

Векшина вздохнула обречено:

— Ну, что ж поделаешь, если назрело. Только

почему вы не вызвали меня к себе повесткой? И, кстати, покажите, пожалуйста, еще раз Ваше удостоверение.

— Повесткой не вызвали потому, что права такого не имеем. Вы ведь знаете, что пока дела по факту исчезновения Векшина Вадима Георгиевича не заведено. Потому я и решился потревожить Вас дома. А удостоверение, пожалуйста...

Довбуш еще раз продемонстрировал книжицу с двуглавым орлом на обложке.

Векшина внимательно изучила гордый фас и гербовую печать, на мгновение удивленно приподняла бровь:

— Вы из Москвы?

— Да, из центрального ведомства, — подтвердил Сергей.

И вот тут нечто похожее на испуг проскользнуло в живых зеленых глазенках.

— Вот как... Странно, что столь скромная персона, как мой муж, привлекает к себе внимание таких солидных организаций.

— Ну, не столь уж скромная, — многозначительно прищурился Довбуш, — Не сочтите за наглость, может, Вы пригласите меня хотя бы в кухню. В коридоре, как то...

— Конечно, конечно, проходите, — засуетилась Лариса, — сюда, пожалуйста.

Довбуш степенно прошагал прихожей —

метров двадцать в длину — и свернул в гостиную, тоже соответствующих габаритов. Огляделся неторопливо. Дорого, просто, без лишних наворотов. Может несколько излишне деловито — ближе к офису, чем к домашнему очагу, но со вкусом.

«Все же перестал у нас народ бояться органов надзора и правопорядка, — почти с сожалением отметил Довбуш, — Вот откуда у скромного госслужащего, обычного секретаря, хоть и референта, бабки на все это благолепие? Джип, евроремонт... И, главное, не стесняются и не боятся демонстрировать, даже наоборот — сплошной праздник кича. А ведь не трудовыми мозолями нажито и не светлой головой».

Довбуш не без опаски присел в кожаное кресло-раковину, и едва не утонул в ней по самое горло.

— Кофе?

— Не откажусь.

Лариса выкрикнула куда-то в глубину апартаментов: «Петровна, приготовь нам кофе». Сама угнездилась в другой раковине, напротив Сергея, закинула ножку на ножку, демонстрируя чудные линии и пропорции.

— Ну...с, слушаю Вас внимательно, Сергей Николаевич.

«Хорошая хватка. Значить, фамилию и

имя-отчество запомнила. Наверняка поинтересуется у патрона мужа: кто таков и зачем. Надо предупредить мэра, чтобы легенду не подпортил».

— Собственно, мне хотелось уточнить некоторые детали. С ходом поисков и возможными версиями исчезновения я знаком, но лично у меня появились некоторые вопросы.

— Например?

Никаких особых вопросов у Довбуша к Ларисе Векшиной пока не назрело. Обычный психологический зондаж личности — и Фаворит его провел по общепринятой методике.

Со стороны, конечно, все выглядело пристойно и убедительно. Толковые, вполне объяснимые вопросы, иногда нестандартные — чтобы была понятна разница между местными сыскарями и столичным следователем ФСБ. Но в целом это все — банальная процедура, которой Лариса, наверняка, уже не раз подвергалась. Вот только ее ответы Сергея особо не интересовали. Он оценивал другое: уровень интеллекта, поведенческие реакции, возбудимость, способность к неадекватным поступкам и многое другое, что составляет основы психоанализа. И с каждым новым тестом Лариса Векшина нравилась ему все меньше и меньше.

Это был крепкий личностный орешек. И,

главное, все у этой сучки (вот так он и стал ее про себя называть, хотя, вроде бы, еще и причин не было) шло вроде как от природы. И наблюдательность, и цепкая память на детали, и артистический дар. И еще странность: как только Сергей пытался поглубже запустить зонд и выйти на уровень подсознания, сразу наталкивался на невидимую преграду. Окружала Ларису Векшину некая защитная аура, природу которой Довбуш пока не мог установить. Профессиональная, чёткая блокировка.

«Вот все почему-то уверены, что Вадика уже нет. И Вы тоже... Да, были угрозы, люди какие то звонили... А я все равно верю, что он живой!»

Как естественно она пустила в этом месте слезу. Без надрыва и душевного стриптиза. Просто встала, отошла в уголок и промокнула правый глаз чистеньким платочком. И носик так естественно покраснел под тонким слоем пудры...

«Вот лично я теперь несколько не сомневаюсь, что ты о своем Вадике что-то знаешь, сучка», — сделал свой вывод Довбуш.

— Что ж... будем искать, — отческим голосом старого чекиста заверил он, — Найдем, не беспокойтесь.

— Найдите, пожалуйста, знаете... — страстно зашептала она, — У Вадима были очень натянутые

отношения с местной милицией. Это все из-за Юрия Даниловича. А у нас в городе все боятся этого чудовища в погонах.

— Вы имеете в виду генерала Белякова? — проницательно уточнил Сергей.

— Да. Так что только у вас, человека из Москвы, есть шансы что-то разузнать о Вадиньке. Я Вас очень прошу. Знаете... я, конечно, не уверена... Но, мне кажется, что нашу квартиру прослушивают, и телефон тоже. Этот человек на все способен.

— Хорошо, хорошо, мы все проверим, — Сергей заговорщицки прижал указательный палец к губам, — Ну, мне пора. Если позволите, я буду обращаться к вам за некоторыми разъяснениями, если понадобится.

— Конечно, конечно, в любое время.

«Быстро же ты стала моей союзницей, — напоследок отметил Довбуш и распрощался с хозяйкой, галантно чмокнув ее ручку.

Не сомневаясь, что в его спину из окон на пятом этаже обращен пристальный взгляд, он неспешно пересек двор и свернул за угол соседней многоэтажки. Там, сразу за поворотом, стояла его непрестижная и неприметная «таврия».

Векшина со своего наблюдательного пункта его машину видеть не могла.

Сергей быстро нырнул в салон и, убедившись, что вокруг авто не шастают ненужные ротозеи,

стянул через голову белую официозную рубаху. Взамен натянул просторную тенниску с недвусмысленной надписью «MURDERER»⁹ на спине и пропел игриво: «Маски, маски, маски... Маскарад...»

Достал из-под сиденья маленький чемоданчик, щелкнул замками, откинул крышку и задумчиво оглядел содержимое. Вдохновенно щелкнул пальцами: «Вот это сойдет!» — и принялся колдовать над образом.

Буквально через пять минут Довбуш, верней, его фасад, изменился неузнаваемо. Короткий, местами уже серебристый «ежик» исчез под вихрастым рыжим паричком. Рыжие же, в масть, усы, густой порослью занавесили верхнюю губу, а под ними весело заискрила золотая фикса. На угреватом носу угнездились окуляры в дешевой оправе, а из-под них пялились на мир Божий нахальные рачьи глаза. Напоследок Сергей прошелся по щекам пуховкой со специальной пудрой, что создавала иллюзию трехдневной щетины, оглядел свою физию в зеркальце заднего вида и удовлетворенно причмокнул.

Он еще успел переодеть добротные отутюженные брюки, разменяв их на потертые

⁹ Убийца

джинсы, и только затянул молнию на ширинке, как из-за угла лихо вырулил векшинский «чероки» с Ларисой у кормила.

«Ну, вот — я так и знал», — радостно изумился Сергей, пропустил джип метров на сто вперед и тронул следом.

Машину Векшина, надо отметить, вела лихо. Уверенные восемьдесят км почти на всей дистанции. И это по городу. Сергей, конечно, попевал за ней, но не без некоторого напряжения. Впрочем, вояж длился недолго и закончился у ближайшего переговорного пункта.

«Ну да, дома телефончика, конечно, нет», — усмехнулся Сергей; подождал, пока Лариса скроется за вращающейся стеклянной дверью и, выдержав небольшую паузу, подался следом.

Внутри переговорного пункта столпотворения не отмечалось. Парились в душных кабинках несколько жертв междугородних коммуникаций, да у операторского окошка мыкалось лицо кавказской национальности, которому второй час «нэ давалы Назран».

Векшина обосновалась в третьей кабине — международной, — и что-то уже нашептывала в трубку.

Сергей продефилировал мимо, не проявляя, естественно, никаких признаков заинтересованности и затребовал у операторши

кабину под пятиминутный разговор с Одессой.

Он только взялся за ручку двери своей кабины, как Лариса уже выпорхнула в холл и бойко засеменила на выход.

«Ах, черт, шустрая какая», — в сердцах выругался Довбуш, но Векшина еще задержалась у обычного автомата и сделала короткий звонок кому-то в город. И едва прозрачная створка двери провернулась за ее короткой юбчонкой, Сергей ринулся к окошку главной разводящей. Отодвинул затвердевшим плечом потенциального террориста из Назрани и сунул прямо под нос оператору заветную книжицу:

— Служба Безопасности. Куда звонила женщина из третьей кабины? Быстр...р...ро.

— Но я не имею права... — испуганно захлопала ресницами дородная операторша, дама первых брежневских призывов.

— Вы что, не поняли, кто я такой? — зашипел Довбуш.

— Хорошо, хорошо, сейчас...

Она побарабанила неловкими пальцами по клавишам компьютера, близоруко прищурилась на монитор:

— Вот. Кипр. 334–545.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Довбуш, не преминув добавить, — Надеюсь, Вы понимаете, что...